что автор «Слова о погибели» в мотиве присылки даров несколько отошел от точного следования историческим фактам. Так как «Повесть об Индийском царстве» явилась на Руси через посредство сербского перевода одной из латинских редакций «Послания пресвитера Иоанна» в конце XII или в начале XIII в.,[14] то можно предполагать, что автор «Слова о погибели» был знаком с «Повестью об Индийском царстве» и мог использовать из нее мотив присылки даров и унижения Мануила перед легендарным Иоанном. Стремясь изобразить Мануила Комнина не только раболепствующим, но и опасающимся Мономаха, автор «Слова», как можно думать, не удовлетворился своим знакомством с книжным источником и, очевидно, был знаком еще с какими-то другими источниками, связанными с народно-поэтической традицией о Мануиле Комнине. Эпос, следы которого сохранились в былинах (например, в былинах о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче), в летописях, в «Песне о Романе», в «Повести об Индийском царстве», уподобляет Мануила то незадачливому воину или послу, то царю, не сумевшему сосчитать богатства Индийского царства.[15]

Итак, мы поддерживаем точку зрения А. Д. Седельникова, считавшего, что в «Слове о погибели» отразилась старшая эпическая традиция о Мануиле, проникнутая народным, слегка насмешливым отношением к личности византийского императора.[16] Но А. Д. Седельников не заметил, что эта эпическая традиция имеет свою литературную историю и что «Повесть об Индийском царстве» в какой-то мере может считаться одним из источников мотива присылки даров в «Слове о погибели». Использование автором «Слова о погибели» книжного источника («Повести об Индийском царстве») и, возможно, не дошедших до нас устно-поэтических источников помогло ему гиперболизировать образ Владимира Мономаха. Место литературного сопоставления Мануила и Владимира Мономаха в раскрытии основных идей «Слова о погибели» может быть определено. После замечательной картины красот и богатств Русской земли, данной в первой части «Слова о погибели»,[17] после перечисления народов, подвластных Владимиру Мономаху, во второй части заключительные слова о том, что даже Византия была вынуждена склониться перед Русской землей, звучали лебединой песней былому могуществу Киевской и Владимиро-Суздальской Руси. А далее уже следовал рассказ о ее погибели.

---

[14] В. М. Истрин. Очерки по истории древнерусской литературы. Пгр., 1922, стр. 108; М. Н. Сперанский. *Сказание об Индийском царстве.* — ИОРЯС АН СССР, 1930, т. III, кн. 2, стр. 464.

[15] А. Д. Седельников. Эпическая традиция о Мануиле Комнине, стр. 606—618.

[16] Там же, стр. 618.

[17] Мы здесь принимаем гипотезу А. В. Соловьева о трехчастном делении «Слова» (см.: A. V. Soloviev. Le Dit de la Ruine de la Terre Russe, стр. 119).